

Глава 21

Восточная Ограда служила оплотом разведки; здесь, в бесконечных архивах, хранились досье на каждого сановника империи — от истоков рода и послужного списка до самых постыдных тайн.

Ле Тянь лениво перелистывал страницы, пока среди сотен портретов суровых и скуластых мужей внезапно не наткнулся на лицо Хань Ци. Художник Ограды, верный принципам реализма, мастерски передал холодную решимость его взгляда и благородный разлёт бровей.

Сердце юноши снова пропустило удар.

Жизнеописание Хань Ци было кратким донельзя. Выходец из таких же низов, как и сам Линь Ле Тянь, он, однако, избрал совершенно иной путь.

Слава и чины достались воину в кровавой сече на полях сражений. Вернувшись ко двору, Хань Ци пожертвовал всё серебро, добытое ценой собственной жизни, лишь бы получить должность сотника в Гвардии в парчовых одеждах. В досье было зафиксировано, что тот собственноручно сразил четыреста семьдесят одного врага.

— Батюшки, ну и лютый же он человек, — восхитился Ле Тянь.

[Тебе ли рассуждать о чужой лютости?] — отозвалась Система.

Линь Ле Тянь, как главный вдохновитель воцарения Цзун Яня, обагрил руки кровью в разы сильнее, чем сотник Хань. И «качество» его жертв было несравненно выше: на счету Девятитысячелетнего числились жизни многих принцев и императорских наложниц.

Ле Тянь захлопнул свиток, и в глазах его отразилась напряжённая работа мысли.

— Сдаётся мне, этот Хань Ци непрост.

Система содрогнулась. Она не ожидала от подопечного такой пронизательности. Она намеренно скрыла истинное происхождение мужчины, но Ле Тянь всё равно почувал неладное.

Прежде чем помощница успела решить, стоит ли раскрывать карты, юноша решительно добавил:

— Такой красавец — и в нашей злодейской организации? Тут явно что-то нечисто.

[...]

[Ладно, забудь]

Цзун Янь занимал престол чуть больше года. Линь Ле Тянь, стремясь к абсолютной власти, осознанно растил из него никчёмного правителя: он не только лишил мальчика всякого политического влияния, но и окружил его слугами, которые потакали любым капризам юного монарха, поощряя его праздность.

Разумеется, когда на пороге внезапно возникли наставники Ян Цяньи и Э Тай, Цзун Янь и не подумал проявлять покорность. Не тратя слов на приветствия, он велел вышвырнуть обоих вон.

Э Тай, суровый вояка с могучим сложением и роскошной бородой, был человеком косноязычным и не умел плести словесные кружева. Генерал лишь молча сложил руки в поклоне, собираясь покинуть зал. Он и сам не горел желанием брать на себя эту обузу, согласившись лишь под давлением обнаглевших скопцов.

Ян Цяньи, напротив, сделал шаг назад, преграждая товарищу путь. Э Тай бросил на него косой взгляд, полный раздражения, но академик лишь жестом попросил его успокоиться. Невозмутимо поклонившись Цзун Яню, он мягко спросил:

— Отчего Ваше Величество столь гневается?

Цзун Янь, чьё красивое лицо исказилось от неприязни, даже не пытался скрыть раздражения:

— Я — император! С какой стати мне слушать нотации от подданных? Проваливайте!

Генерал окончательно вышел из себя; лицо его побагровело. Он коротко поклонился и пробасил:

— Ваш слуга удаляется!

С этими словами Э Тай стремительно покинул дворец, яростно взмахнув рукавами.

Ян Цяньи лишь вздохнул:

— Ваше Величество, молю, выслушайте меня...

— Не желаю ничего слушать! — оборвал его Цзун Янь и направился вглубь своих покоев.

Во дворце у него была особая комната, доверху забитая диковинными механизмами и безделушками, которые Линь Ле Тянь велел собирать по всей стране. Эти игрушки как нельзя лучше помогали губить неокрепший ум.

Весть о том, что наставников выставили за дверь в первый же день, долетела до Восточной Ограды мгновенно. Ле Тянь, с головой ушедший в проверку донесений, пришёл в ярость.

«Я тут, понимаешь, вкалываю на производстве, а ты дома уроки не учишь, да ещё и репетиторов выгоняешь! — он едва не переломил кисть. — Неблагодарный сын!»

— Ясно. Можешь идти, — бесстрастно бросил Ле Тянь маленькому евнуху, принёсшему весть.

Вскоре прибыло прошение от Э Тая. Тот, обладая нравом прямым и резким, исписал весь свиток жалобами: «Вашему слуге не по силам эта ноша», что на деле означало «я умываю руки».

Ле Тянь разорвал бумагу в клочья. Гнев захлестнул его с такой силой, что сердце предательски закололо.

— Какая дерзость! Как он посмел перечить моему приказу?!

Огонь коварства и злобы внутри Девятитысячелетнего готов был вырваться наружу.

[Мы ведь планировали воспитать мудрого монарха. Э Тай — редкий полководческий талант, не стоит им разбрасываться] — заметила Система.

— Ладно. Не хочет он — найдутся другие. — Кто-нибудь! — негромко позвал Ле Тянь.

Снаружи тут же отозвались:

— Ваше Тысячелетие, мы слушаем.

— Призовите Хань Ци.

[...]

[Твою ж... Снова я недоглядела]

Хань Ци, вызванный со службы, вошёл в кабинет. На его одежде виднелась дорожная пыль, но это не убавляло его мужественной красоты.

Ле Тянь едва сдержался, чтобы не уставиться на него, разинув рот. Тело Линь Ле Тяня тоже было красиво, но в нём сквозило что-то женственное — надень он девичье платье, никто бы и подвоха не заметил. Хань Ци же был воплощением мужской стати. Скрытая жажда крови и ледяное самообладание парадоксальным образом сливались в его облике, создавая почти

гибельное притяжение.

[Хватит пялиться, говори по делу] — не выдержала Система.

Ле Тянь картинно кашлянул, скрывая смущение.

— Хань Ци, как тебе служба в Восточной Ограде?

Тот мгновенно напрягся.

— Покорный слуга делает всё возможное, дабы отплатить Вашему Тысячелетию за милость.

«Даже льстит он так, что заглядишься», — подумал Ле Тянь и медленно произнёс:

— Я решил сменить тебе поприще.

Хань Ци внутренне похолодел.

«Неужели этот евнух что-то прознал? — воин невольно сжал пальцы. — Сабля «Вышитая весна» на поясе ещё хранит тепло недавней схватки, а на лезвии, возможно, не обсохла кровь»

Рука мужчины скользнула к рукояти.

— Исполню любое веление Вашего Тысячелетия, — тихо отозвался он.

— Его Величество уже в годах, но телом всё так же слаб. Я слышал, твоё мастерство в боевых искусствах весьма велико. Ступай во дворец и обучи государя воинскому делу.

Сотник опешил. Он вскинул голову и встретился взглядом с Линь Ле Тянем. Тот не мигая смотрел на него своими пронзительными глазами, чей взор казался холодным и глубоким, словно ледяной омут. Хань Ци тут же склонил голову, подавляя внезапный трепет в груди.

— Слушаюсь.

— Вечером отправишься со мной. И приведи себя в порядок, — небрежно добавил Ле Тянь. — От тебя разит кровью.

Хань Ци поклонился и вышел.

[Что ты задумал?] — подозрительно спросила Система.

— И не надейся на какую-нибудь пошлость. Как я могу посягнуть на учителя собственного сына? Я что, по-твоему, за человек такой?

[Именно такой]

— Дорогая моя, мы знакомы всего ничего, а ты уже видишь меня насквозь. Не это ли называют родством душ?

[...]

[Лучше не трогай Хань Ци]

Ле Тянь наконец уловил в её голосе странные нотки и принялся настойчиво выпрашивать, что не так с этим парнем. Система хранила молчание, лишь повторяя предупреждение.

Поняв, что та будет стоять на своём, юноша оставил попытки. Он и не собирался переходить границы — рушить мир и ломать сюжет ради минутной слабости было бы глупо. Полюбуется издалека, и хватит.

Остаток дня в Восточной Ограде прошёл в хлопотах. Линь Ле Тянь под шумок избавился от нескольких ненадёжных чиновников, используя самые нелепые предлоги: «он посмотрел на меня без должного почтения», «он явно не признаёт мою власть» или просто «этот человек мне не нравится».

Поскольку он и раньше славился своим капризным и подозрительным нравом, а его привязанности менялись быстрее погоды, подчинённые не заподозрили неладного.

Смеркалось. Над Восточной Оградой зажглись огни. Массивные ворота, выкрашенные в алый, напоминали пасть исполинского зверя. Жёлтые фонари с жемчужными подвесками мерно покачивались под порывами вечернего ветра.

Хань Ци, успевший «привести себя в порядок», ждал у входа. Он стоял прямо и неподвижно, словно сосна, лишь чуть склонив голову; в руке воин держал изящный фонарь. Его пальцы, длинные и сильные, с чётко проступающими суставами, крепко сжимали древко.

Вскоре показалась пышная процессия, в центре которой важно выступал Девятитысячелетний.

— Ваше Тысячелетие, — Хань Ци почтительно склонил голову.

Ле Тянь прошёл мимо, не удостоив его взглядом, и гордо выпрямил спину. Но, видимо, переоценил свои силы: он шагнул слишком широко, нога соскользнула, и он покачнулся, едва не повалившись на землю. Сотник среагировал мгновенно — не желая прикасаться к евнуху руками, он подставил торец фонаря прямо под бок Линь Ле Тяня, удерживая его от падения.

— А-а! — вскрикнул Ле Тянь. Голос его, ослабленный усталостью, прозвучал не громче кошачьего писка.

Сопровождающие евнухи в ужасе бросились к нему:

— Ваше Тысячелетие!

Юноша резко вскинул руку, и все замерли. Он медленно повернул голову и одарил Хань Ци уничтожающим взглядом:

— Да как ты смеешь!

Сотник и сам понял, что сплеховал. Просто в тот миг он подсознательно не хотел осквернять себя прикосновением к скопцу, и тело само выбрало такой способ помощи.

— Ваше Тысячелетие обладает драгоценным телом, и ваш слуга не дерзнул коснуться его. Прошу простить мою нерасторопность, — Хань Ци низко склонился, оправдываясь.

Свет фонаря дрожал под веками Ле Тяня, отбрасывая причудливые тени на переносицу воина.

«Ладно, ты красив, а значит, прав, — вздохнул про себя Девятитысячелетний. — Сегодня я тебя пощажу»

Он молча махнул рукой, подзывая слугу, чтобы тот помог ему сесть в паланкин. Кожа Линь Ле Тяня была слишком нежной, и теперь бок немилосердно ныл.

«Чёрт возьми, с этим Хань Ци точно что-то не так! — негодовал Ле Тянь. — Видит же, что человек падает, и даже не поддержал по-человечески — ещё и ткнул так больно»

Система больше не могла смотреть на его заблуждения.

[Хань Ци — это бывший Седьмой принц, старший брат Цзун Яня]

[Тот самый, которого ты когда-то чуть не отправил на тот свет]

<http://bllate.org/book/15325/1412308>